

понял эту необходимость реформ социально-политического строя, подверг критике хищническую политику «сильных» бояр, то следующее поколение этих публицистов и, в первую очередь, Иван Пересветов уже наметят конкретные пути укрепления централизованного государства и борьбы с боярской оппозицией.

* * *

Федора Карпова роднит с Иваном Пересветовым весь строй их мыслей как передовых писателей, выражающих чаяния растущего дворянства. Правда, при сравнении обоих публицистов нужно иметь в виду, что они писали в разное время; в 20—30-х годах XVI века не стоял еще так остро вопрос о государственных преобразованиях, как он встал после майского восстания 1547 года и периода боярского правления. Однако Федор Карпов, дальновидный мыслитель и политический деятель, сумел почувствовать неустроенность современного ему общества, вскрыть имевшиеся тогда в социальном и политическом строе язвы и показать необходимость построения государства, основанного на «правде», «законе» и «милости» в соответствии с интересами дворянства. В сочинениях Пересветова мы уже находим развернутую картину «идеального государства» — царства Магмет-салтана, который ввел в своем государстве «правду» и создал справедливые законы.

Несмотря на то, что у обоих публицистов в идеологии сохраняются следы религиозной оболочки («закон», как христианский закон, у Карпова и пересветовское «правда есть Христос»), оба писателя выступают как противники церковного мировоззрения. У них у обоих мы не находим и следов использования святоотеческой литературы; оба они в духе реформационных учений обращаются лишь к Евангелию и Библии, а чаще всего предпочитают обходиться и вовсе без каких-либо ссылок на церковные авторитеты (Пересветов в большей степени свободен от налета церковной идеологии, чем Карпов, вместе с тем в его сочинениях нельзя обнаружить следов влияния на автора античных писателей). В целом оба публициста оставили образцы вполне светской литературы, общественно-политической по своему содержанию.

Для выражения сходных общественно-политических идей оба писателя используют форму обращения к политическому деятелю. У Карпова это — послание, направленное митрополиту Даниилу, у Пересветова это — челобитная Ивану Грозному. Послание Карпова сохраняло больше черт зависимости от предшествующей литературной традиции, особенно от публицистических посланий Максима Грека. Большая челобитная Пересветова уже вполне свободна от выработанного ранее литературного шаблона полемического послания. В произведении Карпова явственнее обозначена критическая сторона, тогда как внимание Пересветова по преимуществу сосредоточено на положительной стороне вопроса строительства централизованного государства.

Лейтмотивом у Карпова является борьба с церковным мировоззрением и отстаивание идеи сильного и справедливого (с дворянской точки зрения) самодержавия. Пересветов уже не считает необходимым вести полемику с идеологами воинствующей церкви — он уже вовсе игнорирует иосифлянскую идеологию.

Зачислить Карпова в лагерь боярских реакционеров можно объяснить вывод Кимеевой о том, что Карпов «в конце послания... выказывает себя противником всякого прогресса, всякого движения общества вперед» (там же).